

УДК 327.56

DOI: 10.31857/S2686673022110086

EDN: GXQIAO

Год после прихода талибов к власти: основные вызовы для России и США на афганском направлении

А.С. Евсеенко

*Институт США и Канады им. Г.А. Арбатова
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., 2/3.*

Scopus Author ID: 57222126812 РИНЦ ID: 783273

ORCID: 0000-0003-3409-5901 e-mail: a.evseyenko@iskran.ru

Резюме. Падение режима А. Гани не стало военно-стратегическим поражением США. Они сохранили свои позиции как в Афганистане, так и в Центральной Азии. Вашингтон обладает рычагами воздействия на Движение Талибан, а возникший в Афганистане вакуум не заполнит ни одна конкурирующая с США держава. Однако Соединённые Штаты сталкиваются в Афганистане с похожим набором вызовов, что и Россия. В ответе на них возможны не только обмен информацией, но и ситуативная координация усилий двух стран.

Ключевые слова. США, Движение Талибан, Россия, Афганистан, Центральная Азия, наркотрафик, терроризм, беженцы.

Для цитирования: Евсеенко А.С. Год после прихода талибов к власти: основные вызовы для России и США на афганском направлении. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (11): 110–126. DOI: 10.31857/S2686673022110086
EDN: GXQIAO

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

A Year after the Taliban Came to Power: the Main Challenges for Russia and the US in Afghanistan

Andrey S. Yevseyenko

Arbatov U.S. and Canada Institute (ISKRAN).

2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Scopus Author ID: 57222126812 РИНЦ ID: 783273

ORCID: 0000-0003-3409-5901 e-mail: a.evseyenko@iskran.ru

Abstract. The fall of A. Ghani’s regime hasn’t become a military-strategic defeat for the US. It maintained their positions both in Afghanistan and in Central Asia. Washington retains leverage over the Taliban, and no rival power in Afghanistan will fill the vacuum. But the United States faces the similar set of challenges in Afghanistan as Russia. In the response to them both countries can exchange information as well as partially coordinate their efforts in certain areas.

Keywords. United States, Taliban Movement, Russia, Afghanistan, Central Asia, drug trafficking, terrorism, refugees

For citation: Yevseyenko A.S. A year after the Taliban came to power: the main challenges for Russia and the US in Afghanistan. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022; 52 (11): 110-126. DOI: 10.31857/S2686673022110086 EDN: GXQIAO

Acknowledgements: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

Обстановка в Афганистане после прихода к власти Движения Талибан (далее – ДТ) уже не привлекает такого внимание средств массовой информации и академического сообщества, как российско-украинский конфликт или обстановка вокруг Тайваня. Тем не менее, перспективы экспансии исламского экстремизма за пределы Афганистана, возможные последствия гуманитарного кризиса в этой стране и потенциал экономических проектов с участием иностранных акторов продолжают вызывать дискуссии среди исследователей и журналистов. Однако важно рассмотреть последствия прихода к власти талибов для интересов США, их позиций в регионе, а также изучить возможные шаги со стороны Соединённых Штатов на афганском направлении. Актуальность подобного обзора вызвана обилием достаточно категоричных оценок относительно последствий падения режима А. Гани и прихода ДТ к власти в Кабуле для внешней политики США [Самуйлов, 2022]. Поэтому необходимо провести критический анализ и контент-анализ документов международных организаций и органов государственной власти США, сообщений средств массовой информации, относящихся к обстановке в Афганистане. Также представляется важным провести сравнительный анализ тех вызовов, которые стоят перед Россией и Соединёнными Штатами на афганском направлении с точки зрения возможного ответа на них каждой из стран.

ПОЗИЦИИ США В РЕГИОНЕ ПОСЛЕ ВЫВОДА ВОЕННОГО КОНТИНГЕНТА

Прежде всего стоит отметить, что падение режима А. Гани не стало военно-стратегическим поражением Соединённых Штатов. Обстановка в регионе не стала для США хуже, чем до начала американского вторжения в Афганистан. Ни одна соперничающая с ними держава не заполнит тот «вакуум», который остался после ухода международного контингента. Это вызвано принципами внешней политики ДТ. Для последнего образцом является современный Туркменистан – нейтральное государство, признанное мировым сообществом [1]. Талибы в целом не намерены быть проводником чьих бы то ни было интересов в Афганистане, кроме своих собственных. Поэтому утверждать о прокитайской, пропакистанской или проиранской ориентации ДТ не приходится.

События августа 2021 г. не нанесли ущерба и американским позициям в Центральной Азии. Они основываются не только на военно-политических связях с фокусными странами региона, но и на готовности Соединённых Штатов вкладывать ресурсы в столь важные для местных акторов сферы, как энергетика, сельское хозяйство, транспортная инфраструктура и экология [Гегелашвили, Модникова, 2021]. Вашингтон находит общий язык со своими среднеазиатскими партнёрами не только в рамках запущенного ещё администрацией Б. Обамы формата «C5+1», но и на двустороннем уровне [Юлдашева, 2022]. Показателем относительной успешности проводимой политики стало искомое американцами разделение бремени текущих гуманитарных проблем Афганистана с центральноазиатскими государствами. Так, Казахстан стал мировым лидером по поставкам продовольственной помощи афганцам по линии ООН [2]. Узбекистан и Таджикистан остаются крупнейшими поставщиками электроэнергии в Афганистан, несмотря на все проблемы с платёжеспособностью у режима талибов [3].

С точки зрения изначально поставленных целей назвать падение режима А. Гани поражением США также затруднительно. На протяжении всех 20 лет американского присутствия США в Афганистане их стабильным интересом оставалась борьба с террористической группировкой «Аль-Каида», ответственной за теракты 11 сентября 2001 г. Необходимость борьбы с ней с целью недопущения новых ударов по территории США указана в стратегиях национальной безопасности 2002, 2006, 2010, 2015 и 2017 гг., а также во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» 2021 г. [4]. К моменту вывода контингента группировка потеряла возможность проводить трансграничные террористические акции. Её филиалы в странах Африки, Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока постепенно автономизировались, встроились в контекст субрегиональных противоречий, что шло в разрез с интересами руководства группировки [5]. Её лидеры не всегда находят убежище в самом Афганистане и перемещаются в соседние Иран и Пакистан. Вслед за ликвидацией основателя и многолетнего лидера «Аль-Каиды», Усамы бен Ладена, в организации последовал серьёзный кризис лидерства, сужение её финансовой базы, что негативно сказалось на оперативных возможностях группировки [6]. В результате она утратила лидерские позиции в мировом джихадистском движении к середине 2010-х г. В отличие от «Исламского государства» (ИГ), она не имела аналогичных военных успехов, ресурсной базы и пропагандистского потенциала. Возглавивший «Аль-Каиду» после гибели У. бен Ладена Айман аль-Завахири не только не нашёл общего языка с лидерами ИГ, но и не привнёс ничего принципиально нового в идеологию организации, её тактику борьбы и методы вербовки [7].

Таким образом, тенденция на снижение потенциала группировки, возможностей нанесения ударов по территории Соединённых Штатов из Афганистана, является заслугой не только Вашингтона. Безусловно, устранения и аресты лидеров «Аль-Каиды» наряду с усилением кооперации между разведсообществами США и их союзников, меры по пресечению финансовой поддержки джихадистов сыграли существенную роль в ослаблении «ядра» группировки. Однако немалую роль сыграли проблемы и противоречия внутри неё, а также объективные тен-

денции в мировом терроризме, которые будут рассмотрены ниже. Совокупность этих причин сделала дальнейшее пребывание контингента в Афганистане бессмысленным. Более того, ликвидация в июле 2022 г. в Кабуле лидера «Аль-Каиды» Аймана аз-Завахири продемонстрировала возможность США сдерживать террористическую активность в этой стране без развёртывания там воинского контингента или поддержки антиталибских сил. Успешное проведение подобных ударов беспилотниками без получения информации «с земли» невозможно. Следовательно, заявления американских военных об «1–2% возможностей» по мониторингу ситуации в Афганистане являются несколько преувеличенными [8].

Таким образом, борьба с «Аль-Каидой» оставалась в числе задач по обеспечению национальной безопасности США на протяжении 20 лет и сохранилась после вывода войск из Афганистана, хотя и упав в списке приоритетов. Однако этого нельзя сказать про ликвидацию ДТ и «строительство нации» (*nation-building*) в Афганистане. Обозначенные администрацией Дж. Буша-младшего как обязательное условие победы над терроризмом, обе задачи были сняты уже при первой администрации Б. Обамы. Теперь США делали акцент на наращивание потенциала афганских силовых структур и перелом ситуации на поле боя. Подчёркивалось отсутствие интереса к «строительству нации» за пределами Соединённых Штатов [9]. ДТ стало восприниматься как договороспособный актор, к переговорам с которым необходимо стимулировать официальный Кабул [10]. Апогеем попыток внутриафганского дипломатического урегулирования стала встреча представителей правительства А. Гани и эмиссаров ДТ в Исламабаде в 2015 г., где США и КНР выступили посредниками.

На этом фоне, а также в контексте отдельных успехов на поле боя, появились первые планы по выводу американского контингента и начато его сокращение: со 110 тыс. военнослужащих в июне 2011 г. до 8,4 тыс. к январю 2017 г. [11]. Параллельно сокращались и объёмы военной помощи кабульскому правительству по линии «Фонда поддержки Сил безопасности Афганистана» (*Afghan Security Forces Fund*): с 8,9 млрд долл. до 3,6 млрд [12]. Тогда же в связи с прекращением военной миссии США сократились и расходы на восстановление Афганистана: с пикового значения в 15 млрд долл. в 2011 г. до 6 млрд в 2016 году [13].

При администрации Д. Трампа произошло новое переосмысление афганской политики США. Отменялись наложенные Б. Обамой ограничения на участие американских военных в боевых действиях, а также временные рамки их присутствия в Афганистане. Преемственность с предыдущей администрацией прослеживалась в подготовке вывода американских войск, дальнейшем снижении численности контингента в этой стране, снижении объёмов помощи кабульскому правительству и дипломатических контактах с ДТ. Однако теперь приоритет отдавался не посредничеству внутриафганским переговорам, а американо-талибским договорённостям [14]. Вновь отрицались намерения по «строительству нации» [15]. Главным результатом этой политики стало Дохийское соглашение от февраля 2020 г., где движение взяло на себя обязательства не нападать на выходящие из Афганистана американские войска и размежеваться с «Аль-Каидой». Остальные, ранее принципиальные для США аспекты завершения миссии (все-

объемлющее прекращение огня, политическое урегулирование отношений между ДТ и официальным Кабулом), не были обозначены в соглашении как обязательное условие вывода американских войск [16].

Администрация Дж. Байдена, со своей стороны, продолжила курс на завершение американского военного присутствия в Афганистане и апеллировала к заключённым ранее договорённостям с ДТ. Однако, в отличие от администрации Трампа, стремительный вывод американских военнослужащих уже не подавался как пролог к провалу политики Соединённых Штатов в Афганистане, обесмысливание усилий США по борьбе с терроризмом. Скорее наоборот, стало неприемлемым дальнейшее присутствие контингента в этой стране [17]. Ещё одним отличием от предыдущих трёх администраций стало восприятие захвата ДТ власти в Афганистане. Теперь успехи талибов трактовались не в контексте войны с терроризмом, а в контексте местной гражданской войны [18].

Таким образом, афганская политика США стала весьма яркой демонстрацией отсутствия стратегического мышления у американского политического истеблишмента. Курс афганской политики Вашингтона постоянно пересматривался на основе критики действий предыдущих администрации, новых трактовках основных угроз и формах борьбы с ними. Постановка задач происходила с использованием широких категорий, без чётких критериев их достижения. Сами задачи находились в зависимости от изменений политической конъюнктуры в Вашингтоне и имели среднесрочную перспективу [Давыдов, 2022]. Итогом стал набор разнонаправленных, нескоординированных и неэффективных усилий американских ведомств и международных структур в Афганистане [Бобкин, 2022]. Преимущество всех четырёх администраций наблюдалась в двух аспектах: защита территории США от террористических атак с территории Афганистана и максимальная «афганизация» конфликта. Это не позволяет экстраполировать задачи по «строительству нации» и разгрому ДТ на всю афганскую политику США 2001–2021 годов.

В целом с падением режима А. Гани у США исчезла необходимость тратить ресурсы на поддержание коррумпированного и слабого союзника. Эта поддержка уже не давала существенных результатов ни с точки зрения борьбы с терроризмом, ни с точки зрения сдерживания Китая, России или Ирана. Таким образом, с завершением военного присутствия в Афганистане у Соединённых Штатов высвободились ресурсы для соперничества с «антагонистическими авторитарными державами», бросающими вызов национальной безопасности США.

ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И США НА АФГАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Несмотря на резкое и долгосрочное ухудшение российско-американских отношений, у обеих держав есть точки пересечения интересов в Афганистане. Прежде всего, речь идёт о необходимости противостоять террористическим угрозам, исходящим с его территории. Афганистан не перестал быть убежищем для многих джихадистских группировок. Ликвидация Аймана аз-Завахири про-

демонстрировала, что для сдерживания террористической активности на территории Афганистана США не требуется держать там военный контингент.

Однако как у Соединённых Штатов, так и у мирового сообщества продолжают вызывать озабоченность сами отношения между ДТ и «Аль-Каидой». На данный момент их можно определить как «взаимный нейтралитет». У ДТ уже нет тех стимулов для тесного партнёрства с «Аль-Каидой», что были в 1990-х годах: организационный потенциал в подготовке боевиков и финансовые поступления от У. бен Ладена. Скорее наоборот, сотрудничество с ней способно создать сложности для ДТ с учётом их стремления к международному признанию и получению дивидендов от международного экономического сотрудничества [19]. «Аль-Каида», со своей стороны, не бросает вызов власти талибов, не участвует в переделе денежных потоков и не ставит под сомнение идеологические воззрения ДТ. Стимулом для сближения между ними мог бы быть конфликт талибов с соседними государствами и стремление использовать «Аль-Каиду» для борьбы с ними. Однако граничащие с Афганистаном страны предпочитают дипломатический путь в урегулировании вопросов с ДТ. Нынешние связи между «Аль-Каидой» и ДТ обусловлены историей взаимодействия, родственными связями и частичным совпадением религиозных постулатов [20]. При этом руководство ДТ не разделяет идей глобального джихада, а сторонники тесного сотрудничества с «Аль-Каидой» уравниваются противниками связей с организацией среди талибов.

В результате как США, так и России будет трудно настроить ДТ на противостояние с «Аль-Каидой». Обратная ситуация в вопросе противостояния террористам из «Вилаят Хорасан» (ВХ), местными сторонниками «Исламского государства». Здесь у США больше возможностей для налаживания диалога с ДТ. В основе противостояния между талибами и ВХ лежит, прежде всего, борьба за власть, а не межрелигиозные противоречия. Ядро ВХ составляют вышедшие из рядов ДТ боевики, разочаровавшиеся в движении. Примыкают к ним бывшие участники радикальных исламистских группировок, таких как «Исламское движение Узбекистана» и «Исламское движение Восточного Туркестана», бывшие афганские силовики и отдельные представители этнических меньшинств, ищущие у джихадистов защиты от репрессий талибов [21].

Однако масштаб, характер и потенциальную политику сдерживания исходящих от РФ и США и ДТ угроз следует определять с учётом текущих тенденций в мировом джихадистском движении. Первой из них является «локализация» террористической активности. Потенциал джихадистских группировок, их поддержка со стороны местного населения и доступ к материальным ресурсам зависят от готовности их участников адаптироваться к интересам и запросам локальных сообществ (племён, общин, кланов) [Clausen, 2022]. Сами идеи салафитского джихадизма, проповедуемые ВХ, не найдут широкой поддержки в Афганистане. Местное население весьма консервативно в вопросе религиозных верований и исповедует ханафитский ислам [22]. Поэтому поддержка ВХ со стороны местного населения возможна на двух основаниях. Первым из них может быть высокий уровень насилия в Афганистане. Местные пуштуны в предыдущие годы поддер-

живали вооружённое сопротивление политическому режиму, неспособному обеспечить минимальный уровень безопасности [Kaltenthaler, Kruglanski, Arie & Knippre, 2022]. Вторым могут быть широкие репрессии ДТ против бывших сотрудников силовых структур и афганских этнических меньшинств. Однако у талибов (как и у других акторов) нет ресурсов для контроля всей территории Афганистана, а значит и для полномасштабных политических репрессий. Таким образом, возможности для вербовки боевиков ограничены местной, а не трансграничной проблематикой. В таких условиях стоит опасаться не массированного вторжения ВХ в Центральную Азию, а проникновения мелких групп численностью в несколько десятков человек. Масштабная экспансия не получит широкой поддержки в Афганистане, а у немногочисленных вооружённых отрядов больше шансов на преодоление границ с центральноазиатскими государствами [23].

Однако эта завязанность современного джихадизма на динамику локальных конфликтов, ограничивающая масштаб угрозы, не отменяет намерений России и США сдерживать её на афганском направлении. РФ в данном случае полагается по кооперацию с региональными союзниками по линии ОДКБ и ШОС. Помимо традиционных сфер взаимодействия, участники нацелены усилить противодействие террористической активности в киберпространстве [24]. Основными ресурсами РФ за столом переговоров с ДТ остаются поддержка международного признания талибов и российские поставки гуманитарной помощи.

Переговорные позиции Соединённых Штатов в диалоге с ДТ тоже не выглядят слабыми. Ликвидация лидера «Аль-Каиды» не нанесла ущерба отношениям Вашингтона с нынешними афганскими властями [25]. Наиболее актуальными предметами торга между ними остаются международное признание ДТ, «разморозка» финансовых активов правительства А. Гани и поставки гуманитарной помощи. Последний аспект стал залогом сохранения американского присутствия в Афганистане. США остаются крупнейшим международным донором и действуют через сеть негосударственных и наднациональных организаций в вопросе оказания гуманитарной помощи афганцам [26]. Это самый серьёзный инструмент давления Соединённых Штатов на режим талибов.

Несколько сложнее обстоит вопрос с доступом ДТ к финансовым активам афганского правительства, «замороженным» после 15 августа 2021 г. Он безусловно останется в повестке переговоров в Дохе, однако итоговая сумма, а также механизм перечисления средств пока остаются под вопросом. Не удалось договориться о контроле над финансами. США и их европейские партнёры не готовы передать размещённые на их счетах 9 млрд долл. в безвозмездное пользование ДТ, а талибы не согласны с созданием независимой структуры управления этими активами [27]. Влияет и гражданская активность в самих США. Родственники жертв терактов 11 сентября 2001 г. рассматривают «замороженные» средства как ресурс для получения финансовых компенсаций. По решению суда 2012 г. они имеют право на получения компенсаций в размере 7 млрд долл. [28] Приход к власти в Афганистане ДТ стал для них поводом взыскать размещённые в США афганские деньги. В сентябре 2021 г. в Федеральную резервную систему поступил соответствующий исполнительный лист. В ответ на данную

юридическую коллизию президент Байден принял решение о разделении размещённых в США афганских активов: 3,5 млрд долл. пойдут на нужды афганского народа, а судьбу остальных денег определяют судебные инстанции [29]. Тем не менее, вероятность получения истцами этих средств крайне мала. Американские суды различают государство и политический режим. Рассматриваемые активы являются государственными деньгами, размещёнными в Федеральном резервном банке Нью-Йорка. В соответствии с американским федеральным законодательством, на них распространяется иммунитет от решений местных судебных инстанций. Исключение возможно, если речь идёт о государстве – спонсоре терроризма, однако Афганистан никогда не признавался таковым [30].

Ещё одним многосложным предметом договорённостей между США и ДТ остаётся вопрос о делистинге талибов из списка террористических организаций ООН. Запустить процедуру исключения организации может только представитель Афганистана в Нью-Йорке. Однако появления эмиссара ДТ на месте афганского представителя в ООН по-прежнему заблокировано. Дело не только в непризнании талибов со стороны международного сообщества, но и в борьбе внутри самой афганской миссии в ООН [31]. Вместе с тем, в процессе исключения отдельных личностей из террористических списков ООН США могут сыграть определяющую роль. В 2010–2014 гг. для стимулирования внутриафганского диалога, США и их союзники содействовали исключению 35 человек из этих списков [32].

И наконец, наименее перспективным средством давления на ДТ со стороны США является вопрос признания талибов. Вашингтон продолжает выдвигать им требования, обусловленные внутриамериканской политической повесткой: инклюзивный состав правительства, где были бы представлены все этнические меньшинства, и доступ к образованию для девочек [33]. Эти требования выглядят несколько оторванными от реальных проблем Афганистана. Вместе с тем, их выполнение позволит американским властям говорить о дипломатической победе на афганском направлении. Но талибы не пойдут на эти уступки. Во-первых, они не намерены делиться властью с теми группировками, которые не сражались против международной коалиции в 2001–2021 гг. Во-вторых, сфера образования в Афганистане находится в ведении «Сети Хаккани», чьи представители не уступают в этом вопросе по идеологическим соображениям. Поэтому следует ждать скорее демонстративных шагов и заявлений от руководства ДТ, чем реального смягчения талибов в вопросах гендерного равенства или создания инклюзивного правительства.

В итоге надёжным механизмом давления на ДТ остаются поставки гуманитарной помощи. Талибам важно не только избегать голодного бунта, но и изыскивать ресурсы для вербовки новых боевиков. Однако уступать в вопросе борьбы с джихадистами для ДТ весьма рискованно. Пропаганда ВХ использует контакты ДТ с американскими представителями для дискредитации талибов [34]. Поэтому их шаги навстречу внешним акторам в противостоянии с террористическими организациями будут определяться соотношением остроты гуманитарного кризиса в Афганистане и способностью талибов поддерживать внутриполитическую устойчивость своего политического режима.

Однако у террористической активности есть ещё одно важное измерение, которое не ограничивается территорией Афганистана и останется вызовом для США и РФ в ближайшем будущем. В современном джихадизме сохраняется тенденция к «индивидуализации» террора. Гораздо дешевле распропагандировать индивида, не встроенного в местное общество, чем готовить целую группу для прохождения нескольких границ [Michael, 2012, P.156.]. В этом контексте весьма уязвимой категорией лиц являются афганские иммигранты.

Соединённые Штаты в 2001–2021 гг. приняли 97 тыс. афганцев [35]. В рамках операции «Союзники, добро пожаловать» (*Allies Welcome*) в августе 2021 – феврале 2022 г. было принято ещё 80 тыс. афганцев, сотрудничавших с США и международной коалицией [36]. Проведение этой операции сопровождалось тем же хаосом и отсутствием координации американских ведомств, что и эвакуация из кабульского аэропорта. Исправить ситуацию помогли американские общественные организации [37]. На данный момент поддержка осуществляется в рамках запущенной в октябре 2021 г. «Программы спонсорской поддержки афганцев» (*Sponsor Circle Program for Afghans*).

Её реализации могут помешать не только традиционное для американских ведомств отсутствие координации, но и зависимость программ поддержки иммигрантов от политической конъюнктуры в Вашингтоне. Таким образом, риск появления радикалов из числа не получивших ожидаемой поддержки афганских беженцев исключать нельзя. Его усугубляют периодические всплески исламофобских настроений в самих США, а также весьма противоречивая политика ФБР по мониторингу потенциальных террористов [Johnson, S., Weitzman, S., 2017, P.244-255.]. Предупредить эти риски помогают жёсткая позиция мусульманской общины США в отношении джихадизма, а также возможности по отстаиванию интересов этнической общины в легальном политическом поле [Шумилина, 2019].

Для РФ подобные вызовы имеют меньший масштаб в силу категоричной позиции российских властей по приёму беженцев из Афганистана [38]. В результате общее число беженцев и лиц афганского происхождения со статусом временного убежища в России к концу 2021 г. не превышало 1 тыс. человек [39]. Как и в случае с противостоянием вторжению боевиков в Центральную Азию, Россия в этом вопросе полагается на своих союзников по ОДКБ и ищет возможности по усилению наиболее уязвимого из пограничных участков – таджикско-афганского.

Помимо наращивания технического потенциала и подготовки таджикских пограничников, существенным вкладом в укрепление южной границы Таджикистана могло бы быть возвращение туда российских пограничников. Их присутствие отвечало интересам борьбы с террористическими группами и сдерживанию потоков беженцев из Афганистана. Российские части, дислоцированные на 201-й военной базе, участвуют в подготовке таджикских пограничников, однако их основная функция состоит в поддержании военно-политической стабильности в Таджикистане и отражении угроз его территориальной целостности и суверенитету [40]. При этом для пресечения проникновения мелких террористических групп и сдерживания потоков мигрантов было бы целесообразно укрепить силы «первого эшелона» за счёт возвращения российских погранзастав.

Они же могли бы сыграть существенную роль в борьбе с потоками наркотрафика из Афганистана. Для России данная проблема является главным вызовом национальной безопасности на центральноазиатском направлении на протяжении последних десятилетий. РФ находится на так называемом «северном маршруте» транзита наркотиков из Афганистана в Центральную Азию, оставаясь ещё и рынком их сбыта [Митрофаненкова, 2020]. Возможности таджикских силовиков по борьбе с наркотрафиком давно вызывают сомнения у экспертов и российских официальных лиц [41].

Добиться от ДТ искоренения наркопроизводства в Афганистане тоже будет проблематично. Опиаты (наравне с каннабисом и метамфетаминами) остаются надёжным источником денежных поступлений в условиях развала экономики, продолжения вооружённой борьбы между разными фракциями афганцев и отсутствии у них иных средств к существованию [42]. В целом нет оснований считать, что талибы перейдут к полноценной борьбе с производством и контрабандой наркотиков. Заявления лидеров ДТ о запрете наркотиков сопровождались декларациями о допустимости выращивания мака для преодоления экономических трудностей [43]. Для Соединённых Штатов эта проблема не стоит столь же остро. В 2010-х годах наркотики из Юго-Восточной Азии (в том числе афганского производства) не превышали 10% общего объёма рынка наркотических средств в США [44]. Таким образом, Россия не может рассчитывать на существенную помощь региональных и внерегиональных акторов в борьбе с афганским наркотрафиком. При этом она располагает достаточно эффективным инструментарием для ответа на этот вызов интересам национальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Падение режима А. Гани, сопровождаемое хаотичным выводом американского контингента из Афганистана, стало репутационным поражением для США и администрации Дж. Байдена. Образ Соединённых Штатов как сверхдержавы, способной навязать свою волю военной силой, изменить политический ландшафт региона в соответствии с американским представлением и поддерживать своего союзника, невзирая ни на какие обстоятельства, был подорван.

Вместе с этим можно утверждать и о дипломатическом поражении США. Вашингтон не смог не только продавить за столом переговоров с ДТ важные для себя обязательства, но и не добился от контрапартнёров строгого выполнения взятых ими обязательств.

Тем не менее нельзя утверждать о военно-стратегическом поражении США в контексте падения режима А. Гани, прихода ДТ к власти в Афганистане и свёртывания американского военного присутствия в этой стране. Соединённые Штаты остаются современной мировой державой, способной обеспечить своё присутствие в регионе и отстаивать интересы с опорой не только на военный контингент. Они сохраняют позиции в Центральной Азии, их конкурентный потенциал в региональном соперничестве с Россией и Китаем не исчез. Многие проблемы афганцев (например, поставки гуманитарной помощи и электро-

энергии) были переложены на плечи американских партнёров. Осталась возможность сдерживать террористическую активность в Афганистане при одновременном прекращении военного присутствия в этой стране. Последнее было бесперспективно с точки зрения соперничества с КНР и РФ, избыточно в рамках борьбы с терроризмом и вредоносно для рейтинга американских властей.

При этом у США сложился устойчивый дипломатический контакт с представителями талибов через представительство ДТ в Дохе. Переговоры между сторонами проводятся по широкому кругу вопросов и характеризуются обоюдным интересом к поддержанию диалога. Его продуктивность, однако, напрямую связана с изменениями внутривосточной конъюнктуры как в Вашингтоне, так и в Кабуле.

Соединённые Штаты, как и Россия, обладают уникальным инструментарием по отстаиванию своих интересов на центральноазиатском направлении в целом, и в афганском «секторе» в частности. У стран наблюдается совпадение стратегических позиций по афганской проблематике (территориальная целостность Афганистана, наличие инклюзивного и представительного правительства в Кабуле, антитерроризм) при значительном объёме тактических разногласий. Вместе с общим долгосрочным ухудшением российско-американских отношений, это делает невозможным полноценное сотрудничество двух стран на афганском направлении. Тем не менее участие России и США в переговорах по восстановлению СВВД, а также сохранение механизмов деэскалации в Сирии демонстрируют возможность ситуативной координации усилий двух стран.

Для неё есть несколько потенциально результативных сфер на афганском направлении. Во-первых, обеим странам важно поддерживать контакты по линии спецслужб, сложившиеся до 24 февраля 2022 г. Данный вопрос имеет крайне важное значение для противостояния террористической активности, исходящей с территории Афганистана.

Во-вторых, обе страны могли бы принять участие в создании международного механизма оказания финансовой помощи Таджикистану. Это единственная страна на постсоветском пространстве, готовая (ограниченно) принимать афганских беженцев в случае обострения гуманитарной обстановки или всплеска военных действий. Моделью могла бы служить Брюссельская конференция, международный механизм предоставления помощи сирийским беженцам и принимающим их странам. На данный момент помощь Таджикистану ограничивается поставками гуманитарных грузов по линии Управления Верховного комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) за счёт ЕС и Японии.

В-третьих, не менее целесообразно было бы рассмотреть создание международного механизма частичного выкупа афганских опиатов по линии ООН. Афганистан останется одним из мировых лидеров по производству наркотиков, а ДТ не откажется от получения доходов с реализации опиатов в условиях упадка экономики и отсутствия перспектив к её восстановлению. Основным вызовом на данном направлении станет порядок распоряжения полученных средств. ДТ скептически относится к стороннему контролю над афганскими финансами.

Мировое сообщество, со своей стороны, будет поднимать вопрос о рисках попадания этих средств в руки джихадистов.

Таким образом, у России и США есть точки сближения на афганском направлении. Они не способны вывести двусторонние отношения из состояния конфронтации, но координация усилий может быть ответом на отдельные вызовы интересам национальной безопасности каждой из стран. Успешность этого ответа зависит не только от чёткого понимания сверхдержавами своих интересов в данном регионе, но и от их учёта актуальных потребностей центральноазиатских партнёров России и США.

ИСТОЧНИКИ

1. Harpviken Kristian Berg. The Foreign Policy of the Afghan Taliban. Peace Research Institute Oslo Policy Brief. February 2021. Available at: <https://www.prio.org/download/publicationfile/2278/Harpviken%20-%20The%20Foreign%20Policy%20of%20the%20Afghan%20Taliban,%20PRIO%20Policy%20Brief%202-2021.pdf> (accessed: 16.01.2022).

2. Satubaldina A. Kazakh Foreign Minister Reaffirms Kazakhstan's Commitment to Global Food Security at UN Headquarters // The Astana Times. 20.05.2022. Available at: <https://astanatimes.com/2022/05/kazakh-foreign-minister-reaffirms-kazakhstans-commitment-to-global-food-security-at-un-headquarters/> (accessed: 28.05.2022).

3. Lillis J. Afghanistan in hock to Uzbekistan and Tajikistan for electricity // Eurasianet. 19.05.2022. Available at: <https://eurasianet.org/afghanistan-in-hock-to-uzbekistan-and-tajikistan-for-electricity> (accessed: 28.05.2022).

4. National Security Strategy. Historical Office // Office of the Secretary of Defense. Available at: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/National-Security-Strategy/> (accessed: 25.01.2022).

5. Семёнов К. Ликвидация Завахири: падение «Аль-Каиды» продолжается // News.ru. 02.08.2022. Available at: <https://news.ru/near-east/likvidaciya-zavahiri-padenie-al-kaidy-prodolzhaetsya/> (accessed: 02.08.2022).

6. Byman D., Mir A. How Strong Is Al-Qaeda? A Debate // War on the Rocks. 20.05.2022. Available at: <https://warontherocks.com/2022/05/how-strong-is-al-qaeda-a-debate/> (accessed: 14.06.2022).

7. Bacon T., Grimm E. What Leadership Type Will Succeed Al-Qaeda's al-Zawahiri? // International Center for Counter-Terrorism. 15.07.2022. Available at: <https://icct.nl/publication/what-leadership-type-will-succeed-al-qaedas-al-zawahiri/> (accessed: 23.07.2022).

8. Senate Armed Services Committee Hearing on the Posture of United States Central Command and United States Africa Command, March 15, 2022. U.S. Central Command. 16.05.2022. Available at: <https://www.centcom.mil/MEDIA/Transcripts/Article/2968166/senate-armed-services-committee-hearing-on-the-posture-of-united-states-central/> (accessed: 25.07.2022).

9. The New Way Forward - The President's Address. The White House: President Barack Obama. 01.12.2009. Available at:

<https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/12/01/new-way-forward-presidents-address> (accessed: 24.03.2021).

10. Remarks by the President on the Way Forward in Afghanistan. The White House: President Barack Obama. 22.06.2011. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/06/22/remarks-president-way-forward-Afghanistan> (accessed: 24.03.2021).

11. A timeline of U.S. troop levels in Afghanistan since 2001 // *Military Times*. 06.06.2016. Available at: <https://www.militarytimes.com/news/your-military/2016/07/06/a-timeline-of-u-s-troop-levels-in-afghanistan-since-2001/> (accessed: 14.05.2022).

12. Tian N. 20 years of US military aid to Afghanistan. Stockholm International Peace Research Institute. 22.09.2021. Available at: <https://www.sipri.org/commentary/topical-backgrounder/2021/20-years-us-military-aid-afghanistan> (accessed: 14.05.2022).

13. Cordesman A. Reshaping U.S. Aid to Afghanistan: The Challenge of Lasting Progress. Center for Strategic and International Studies. 23.02.2022. Available at: <https://www.csis.org/analysis/reshaping-us-aid-afghanistan-challenge-lasting-progress> (accessed: 18.03.2022).

14. Trump says Taliban talks back on during visit with troops in Afghanistan // *France 24*. 28.11.2019. Available at: <https://www.france24.com/en/20191128-trump-says-taliban-talks-back-on-during-visit-with-troops-in-afghanistan> (accessed: 26.06.2022).

15. Full text: Trump's speech on Afghanistan // *Politico*. 21.08.2017. Available at: <https://www.politico.com/story/2017/08/21/trump-afghanistan-speech-text-241882> (accessed: 27.06.2022).

16. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. U.S. Department of State. 29.02.2020. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (accessed: 10.03.2022).

17. Biden defends Afghanistan withdrawal, says Taliban takeover 'highly unlikely' // *The Hill*. 08.07.2021. Available at: <https://thehill.com/homenews/administration/562135-biden-defends-afghanistan-withdrawal-says-taliban-takeover-highly/> (accessed: 15.06.2022).

18. Remarks by President Biden on Afghanistan. The White House. 16.08.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (accessed: 23.03.2022).

19. Мардасов А., Семёнов К. Талибский Афганистан: между радикалами и прагматиками // *Riddle*. 10.11.2021. Available at: <https://ridl.io/ru/talibskij-afganistan-mezhdu-radikalami-i-pragmatikami/> (accessed: 09.02.2022).

20. Mir A. Afghanistan's Terrorism Challenge. The Political Trajectories of Al-Qaeda, The Afghan Taliban, And the Islamic State. The Middle East Institute. October 2020. Available at: <https://www.mei.edu/sites/default/files/2020-10/Afghanistan%27s%20Terrorism%20Challenge.pdf> (accessed: 11.02.2022).

21. Fifteenth report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support

of Member States in countering the threat. United Nations, Security Council. 26.07.2022. Available at: <https://reliefweb.int/report/world/fifteenth-report-secretary-general-threat-posed-isil-daesh-international-peace-and-security-and-range-united-nations-efforts-support-member-states-countering-threat-s2022576-enarruzh> (accessed: 30.08.2022).

22. Семёнов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // РСМД. 02.09.2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizeniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/> (accessed: 19.02.2022).

23. Волков К.В. Нарыв на карте Центральной Азии // *Новое военное обозрение*. 12.08.2021. Available at: https://nvo.ng.ru/realty/2021-08-12/2_1153_afghanistan.html (accessed: 19.02.2022).

24. Совместная позиция Региональной антитеррористической структуры ШОС, Антитеррористического центра государств-участников СНГ и Секретариата ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. Организация Договора о коллективной безопасности. 16.02.2022. Available at: <https://odkb-csto.org/documents/accepted-docs/sovместnaya-pozitsiya-regionalnoy-antiterroristicheskoy-shos-antiterroristicheskogo-tsentra/#loaded> (accessed: 15.04.2022).

25. Taliban: Religious leaders have issues with girls schools. *BBC News*. 15.08.2022. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=n34UK0sfztc> (accessed: 16.08.2022).

26. Afghanistan Humanitarian Response Plan 2022. The United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. 06.08.2022. Available at: https://fts.unocha.org/appeals/1100/flows?f%5B0%5D=destinationClusterIdName%3A6643%3ANutrition&order=flow_property_simple_2&sort=desc (accessed: 18.08.2022).

27. Greenfield C., Landay J. Exclusive: US and Taliban make progress on Afghan reserves, but big gaps remain. *Reuters*. 26.07.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/exclusive-us-taliban-make-progress-afghan-reserves-big-gaps-remain-2022-07-26/> (accessed: 20.08.2022).

28. Document 2624. United States District Court. Southern District of New York. 16.10.2012. Available at: <https://pacer-documents.s3.amazonaws.com/119/242129/127111473167.pdf> (accessed: 09.02.2022).

29. Carpenter C. A Better Use of Frozen Afghan Funds // *Foreign Policy*. 18.02.2022. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/02/18/afghanistan-frozen-reserves-biden-executive-order-humanitarian-aid/> (accessed: 19.05.2022).

30. *Havlish v. Taliban / In re 9/11 Attacks - Frozen Afghan Assets (Amicus)*. Center for Constitutional Rights. 25.04.2022. Available at: <https://ccrjustice.org/home/what-we-do/our-cases/havlish-v-taliban-re-911-attacks-frozen-afghan-assets-amicus> (accessed: 23.05.2022).

31. Putz C. Conflict Over Afghanistan's UN Seat Widens. *The Diplomat*. 09.02.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/02/conflict-over-afghanistans-un-seat-widens/> (accessed: 14.04.2022).

32. Niederberger A., Biersteker T. UN Individual Sanctions Listing and Delisting Patterns and Their Interaction with Autonomous Measures: Considerations for Mediators. New York: United Nations University, 2022. P.54.

33. Department Press Briefing. U.S. Department of State. 15.08.2022. Available at: <https://www.state.gov/briefings/departement-press-briefing-august-15-2022/> (accessed: 16.08.2022).

34. Webber L. Voice of Khorasan Magazine and the Internationalization of Islamic State's Anti-Taliban Propaganda. The Jamestown Foundation. 06.05.2022. Available at: <https://jamestown.org/program/voice-of-khorasan-magazine-and-the-internationalization-of-islamic-states-anti-taliban-propaganda/> (accessed: 15.05.2022).

35. Waddell B. States That Have Welcomed the Most Refugees From Afghanistan // *U.S. News*. 14.09.2021. Available at: <https://www.usnews.com/news/best-states/articles/2021-09-14/afghan-refugee-resettlement-by-state> (accessed: 22.01.2022).

36. Briefing with Senior Administration Officials on Ongoing Efforts To Support Afghan Special Immigrant Visa Applicants. U.S. Department of State. 18.07.2022. Available at: <https://www.state.gov/briefing-with-senior-administration-officials-on-ongoing-efforts-to-support-afghan-special-immigrant-visa-applicants/> (accessed: 12.06.2022).

37. Kirby J. Why thousands of Afghans are still on US military bases // *Vox*. 28.10.2021. Available at: <https://www.vox.com/22728486/afghanistan-evacuation-us-military-bases-refugee-resettlement-fort-bliss-fort-pickett> (accessed: 22.02.2022).

38. Путин призвал предотвратить потоки беженцев из Афганистана // *РИА Новости*. 18.11.2021. Available at: <https://ria.ru/20211118/bezhentsy-1759666536.html> (accessed: 10.07.2022).

39. Статистика – UNHCR Russia. Агентство ООН по делам беженцев: официальный сайт. 10.07.2022. Available at: <https://www.unhcr.org/ru/stats> (accessed: 10.07.2022).

40. Полный текст Соглашения о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана. *Avesta: information agency*. 13.11.2012. Available at: <http://avesta.tj/2012/11/13/polnyj-tekst-soglasheniya-o-statuse-i-usloviyah-prebyvaniya-rossijskoj-voennoj-bazy-na-territorii-tadzhikistana/> (accessed: 10.07.2022).

41. Еленский О.О. "Девятый вал" героина из Таджикистана // *Новое военное обозрение*. 02.12.2011. Available at: https://nvo.ng.ru/realty/2011-12-02/1_heroin.html?auth_service_id=VKontakte&auth_service_error=1&mpri1=&id_user=Y (дата обращения: 14.03.2022).

42. Collins J., Tennant I. Evaluating Afghanistan's Past, Present and Future Engagement with Multilateral Drug Control. Research Paper. Global Initiative against Transnational Organized Crime. May 2022. Available at: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2022/06/evaluating-afghanistans-past-present-and-future-research-paper.pdf> (accessed: 15.06.2022).

43. World Drug Report 2022. Drug Market Trends of Cannabis and Opioids. United Nations Office on Drugs and Crime. 27.06.2022. Available at:

https://www.unodc.org/res/wdr2022/MS/WDR22_Booklet_3.pdf (accessed: 21.07.2022).

44. Afghan Opiate Trafficking Through The Southern Route. United Nations Office on Drugs and Crime. June 2015. Available at: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Studies/Afghan_opiate_trafficking_southern_route_web.pdf (accessed: 12.07.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобкин Н.Н. Окончание войны в Афганистане: последствия поражения США для региональной безопасности. *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2022. № 4 С. 44-59. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300020027-9-1/> DOI: 10.31857/S2686673022040034

Гегелашвили Н.А, Модникова И.В. Узбекистан и Казахстан – фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона. *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2021. № 5 С. 51-68. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300014782-0-1/> DOI: 10.31857/S268667300014782-0

Давыдов А.А. Выход США из Афганистана как предвестник новой эпохи. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. № 2 С. 63-74. Available at: <https://vostokoriens.jes.su/S086919080019307-4-1> DOI: 10.31857/S086919080019307-4

Митрофаненкова О.Е. Маршруты афганского наркотрафика (конец XX в. – начало XXI в.). *Восточная аналитика*. 2020. №3. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-190-201

Самуйлов С. М. Поражение США в Афганистане и усиление напряжённости в Центральной Азии. *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2022. № 2, С. 5-23. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300019056-1-1/> DOI: 10.31857/S2686673022020018

Шумилина И.В. Исламофобия в американском контексте. *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, № 11, сс. 76-83. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-11-76-83>

Юлдашева Г. И. Узбекистан-США: новый этап стратегического партнерства. *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2022. № 2, С. 57-72. Available at: <https://usacanada.jes.su/s268667300017000-0-1/> DOI: 10.31857/S2686673022020043

REFERENCES

Bobkin N. 2022. The End of the War in Afghanistan: the United States' Defeat and its Consequences for Regional Security. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 4, pp.44-59. DOI: 10.31857/S2686673022040034

Clausen M-L. 2022. Exploring the Agency of the Affiliates of Transnational Jihadist Organizations: The Case of al-Qaeda in the Arabian Peninsula, *Studies in Conflict & Terrorism*. DOI: 10.1080/1057610X.2022.2058348

Gegelashvili N., Modnikova I. 2021. Uzbekistan and Kazakhstan as the Focal States of Central Asia in Washington Policies towards the Region. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 5, pp.51-68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0

Davydov A. 2022. The U.S. withdrawal from Afghanistan as a sign of a new era. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost*. No. 2, pp.63-74. DOI: 10.31857/S086919080019307-4

Johnson, S., Weitzman, S. *The FBI and Religion Faith and National Security before and after 9/11*. University of California Press. 2017.

Kaltenthaler, K., Kruglanski, A., Knuppe, A. 2022. The Paradox of the Heavy-Handed Insurgent: Public Support for the Taliban among Afghan Pashtuns. *Studies in Conflict & Terrorism*. pp.1-25. DOI: 10.1080/1057610X.2022.2055008

Michael G. *Lone Wolf Terror and the Rise of Leaderless Resistance*. Vanderbilt University Press, Nashville. 2012.

Mitrofanenkova O. 2020. Routs of Afghan's Drug Traffic (end of XX Century – Beginning of XXI Century). *Eastern Analytics*. No. 3, pp.190-201. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-190-201

Samuilov S. 2022. Defeat of the United States in Afghanistan and Escalation of Tensions in Central Asia. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 2, pp.5-23 DOI: 10.31857/S2686673022020018

Shumilina I. Islamophobia in American Context. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, No 11, pp. 76-83. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-11-76-83

Yuldasheva G. 2022. Uzbekistan - US: A New Stage of Strategic Partnership. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture*. No. 2, pp.57-72. DOI: 10.31857/S2686673022020043

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВСЕЕНКО Андрей Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований *Института США и Канады им. Г.А. Арбатова*.
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, 2/3,

Andrey S. YEVSEENKO, Candidate of Sciences (Political Science), Senior Research Fellow, Department of Foreign Policy Researches, Academic Secretary, *Arbatov U.S. and Canada Institute (ISKRAN)*.
2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 21.07.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 2.08.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 4.08.2022.